

Г. А. Меновщиков

**ЭСКИМОССКИЙ СУБСТРАТ
В ТОПОНИМИКЕ
ЧУКОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ**

Старинные эскимосские географические названия на Чукотском побережье засвидетельствованы не только вблизи современных мест расселения азиатских эскимосов, но и далеко за их пределами. Там, где в исторически обозримое время эскимосы уже не проживали, ныне обнаруживаются топонимы, восходящие к эскимосской языковой основе. Заимствованные чукчами древние эскимосские топонимы адаптировались по фонеморфологическим законам чукотского языка. Эскимосский субстрат в береговой чукотской топонимике прослеживается как по южному (берингоморскому), так и по северному (Чукотское море) побережью от Берингова пролива до Анадырского лимана и от того же пролива до Чаунской губы¹.

За последние 100—150 лет малочисленные азиатские эскимосы жили лишь в нескольких поселках по берингоморскому побережью Чукотки от мыса Дежнева до залива Креста, тогда как эскимосские топонимы в чукотской адаптации продолжали сохраняться далеко за пределами эскимосских поселений. При этом было обнаружено, что чукотские топонимы субстратного эскимосского происхождения восходят к различным, в том числе и исчезнувшим, диалектным подразделениям эскимосского языка². К эскимосским по происхождению и чукотским по фонеморфологической модели относится значительное число топонимов в ареале от 60 до 70° с. ш.

Чукотские топонимы охватывают всю территорию полуострова. В глубинной его части изредка встречаются топонимы, восходящие к основам родственного чукотскому корякского языка, а также к основам юкагирского и эвенского (ламутского) языков. Что же касается топонимов эскимосского происхождения, то они обнаруживаются только в прибрежной полосе. Оседание части чукотского народа на освоенных ранее эскимосами приморских землях повлекло за собою как заимствование и адаптацию уже длительно существовавших эскимосских топонимов, так и создание новых чукотских. Как представляется, условием восприятия чукчами эскимосских топонимов были непосредственные и длительные контакты этих двух разноязычных народов.

¹ В. Г. Богораз, Чукчи, ч. I, Л., 1934; его же, Материалы по языку азиатских эскимосов, Л., 1949, стр. 32—34; И. С. Вдовин, Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков, «Сибирский этнографический сборник», III, М.—Л., 1961; Г. А. Меновщиков, Палеоэскимосские топонимы северо-восточной Сибири, «Вопросы языкознания», 1963, № 6; его же, Топонимический словарь Чукотского побережья, рукопись, 1968.

² В составленном нами «Топонимическом словаре Чукотского побережья» представлено несколько сотен эскимосских топонимов, принадлежащих по происхождению различным диалектным группам, в том числе и не сохранившимся в районе Берингоморья.

При анализе чукотской топонимики выявляются три основных вида адаптации эскимосского субстрата.

Первый вид адаптации — фономорфологический, при котором заимствуемый топоним подвергается лишь звуковому уподоблению и оформлению по законам заимствующего (в конкретном случае — чукотского) языка.

Второй вид адаптации — фоносемантический, при котором заимствуемому иноязычному топониму (в конкретном случае — эскимосскому) противопоставляется сходный по созвучию, но отличный по семантике свой (здесь — чукотский) топоним, т. е. происходит своеобразная смысловая замена иноязычного топонима на основе фономорфологических и лексических средств родного языка.

Третий вид адаптации — образование составных двуязычных топонимов, корневым элементом которых служит эскимосский субстратный компонент.

Фономорфологическая адаптация эскимосских топонимов чукотским языком конкретно характеризуется тем, что эскимосский вокализм (*a*, *y*, *u*, *u*) подвергается влиянию гармонии гласных чукотского языка, а ряд эскимосских согласных звуков и их сочетаний, отсутствующих в чукотском языке, чередуется с близкими по образованию чукотскими согласными и их сочетаниями³. Присущий эскимосским именам (в том числе и многим топонимам) конечный вулгарный *q* в процессе чукотской адаптации эскимосских топонимов заменяется согласным *n*, являющимся обязательным конечным компонентом односоставных чукотских топонимов. Приведем несколько иллюстраций. Название чукотского поселка *Туңитлен* (русс. *Тунитлин*) восходит к эскимосскому топониму *Туңилек* — «ближний», «соседний» (здесь — по отношению к древнему эскимосскому становищу *Аглун*); древнее эскимосское становище *Ныңлувак* — «большая землянка» было заселено чукчами и в чукотской адаптации стало называться *Нэңдэқвэн*; эскимосское название мыса *Сиңек* — «лямка» в чукотской адаптации — *Чиңин*; старинное эскимосское название местности и поселка *Сахтуқ* — «выпрямившийся» (ср. *сахтақа* — «выпрямляет», «развертывает») в чукотской адаптации — *Чегтун* (русс. *Чегитун*); эскимосское название поселка *Насқақ* (возможно от *насқуқ* — «голова») в чукотской адаптации *Нэсқэн* (русс. *Нэшкан*) и т. д. Характерно, что в течение исторически обозримого периода перечисленные пункты были заселены чукчами, но современные азиатские эскимосы, живущие вдали от этих мест, до сего времени называют их чисто эскимосскими именами, что, наряду с сохранившимися памятниками материальной эскимосской культуры, свидетельствует о древности и первичности на этой территории эскимосских поселений. Доэскимосских следов топонимики на Чукотском побережье не обнаруживается, хотя там и можно предположить существование какой-либо доэскимосской культуры.

Фоносемантическая адаптация эскимосских топонимов чукотским языком заключается в замене первоначального эскимосского названия сходным по звучанию, но отличным по семантике чукотским словом. В данном случае эскимосский субстрат удается установить лишь по наличию двух разноязычных, но созвучных (или почти созвучных) топонимов, дошедших до нас и обозначающих один и тот же населенный пункт. Так, исторически засвидетельствовано, что современный крупный чукотский поселок *Уэлен*, расположенный между морем и большой лагуной на песчаной отмели, был некогда эскимосским поселением и назывался по-эскимосски *Улық* — «разлив», «заливаемое место». В течение последних 100—150 лет поселок этот постепенно заселялся чукчами, а эскимосское

³ П. Я. Скорик, Грамматика чукотского языка, ч. 1, М.—Л., 1961; его же, Чукотский язык, сб. «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 248 сл.; Г. А. Меновщикова, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1, М.—Л., 1962; его же, Эскимосский язык, сб. «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 366 сл.

население его частично ассимилировалось, частично переехало в другие населенные пункты. Чукчи стали называть этот поселок близким эскимосскому *улык* по звучанию, но отличающемуся от него по семантике чукотским словом *Увэлен* — «черная земля» (от *ув* — «черный» и *-эле/--аля-* — «земля»). При этом следует заметить, что логически оправданными остаются и эскимосская и чукотская этимологии. Эскимосское название *Улык* — «разлив», «заливаемое место» оправдывается тем, что поселок находился на узкой отмели между морем и большой уэленской лагуной, которая разливалась во время больших штормов или морских приливов. Чукотское же название *Увэлен* — «черная земля» основывается на том, что зимние жилища этого поселка устанавливались на склоне прилегающей к лагуне сопки, почва которой в отличие от песчаной отмели была черной. Возможно также, что во время зимних ветров на этом месте сметало снег и образовывались голяки. Так или иначе, оба названия Уэлена — чукотское и эскимосское — сосуществуют и поныне, и этот своеобразный способ образования топонимов следует учитывать.

Близким по созвучию, но разноязычным и разнородным по семантике является топоним *Уңазик, Уңиин*. *Уңазик* по-эскимосски «усач», «усатый» (от *уңак* — «ус», «борода» и суф. орудийного значения *-сик*). *Уңиин* по-чукотски — «место дров», «место растопки» (от *ууңии-юоңээ* — «дрова», «растопка») ⁴. Эскимосское название этого пункта — первичное и более древнее, потому что здесь (мыс *Чаплин*, бывший поселок *Чаплино*) с незапамятных времен и до наших дней находится крупный эскимосский поселок, вокруг которого объединялась южная группа азиатских эскимосов. *Уңазык (Чаплино)* был центром культуры чаплинских эскимосов. Поселок находился на выдающейся в море песчаной отмели, по форме напоминающей длинный ус, отсюда и его название. Чукчи были постоянными посетителями этого пункта, поскольку они вели с эскимосами обмен продуктами оленеводства на продукты морского промысла. С другой стороны, и чукотское название этой местности *Уңиин* — «место дров», «место растопки» также обосновано, поскольку приморские чукчи ближних и дальних поселков могли приезжать сюда за плавником для растопки (так предполагает В. В. Леонтьев). Оба топонима существовали параллельно — один на эскимосском, другой на чукотском языке.

Такой же семантической трансформации подвергся эскимосский топоним *Ыкыт* — «щеки» (наукаанск, диалект), который в чукотской адаптации стал обозначаться словом *Ыкынин* — «холодное» (от *ыкы* — «стужа»). В русской адаптации — *Аккани*.

Эскимосский топоним *Пихтук* — «метельное» (от *пихту* — «метель», «пурга»), которым названо устье речки и древнее становище, в чукотской адаптации стал обозначаться словом *пьюутэн* — «сажа» (русск. Пюутен).

Большой современный чукотский поселок *Лъурэн* — «видимое» (от *лзу* — «видеть» и *-рэн* — «жилье») возник на месте древнего эскимосского поселка *Лъуграқ* — «большая праща» (от *лзуқ* — «праща» и увелич. суф. *-рақ*). Как нетрудно заметить, здесь также имеет место факт семантического переосмысления заимствованного топонима. Весьма примечательно, что в русской адаптации этот топоним принял типическую форму русских топонимов с конечным формантом *-но*: *Лорино*. В данном случае топоним пережил свое третье рождение, чему способствовала фоносемантическая адаптация (эск. > чук. > русск.).

Третий вид адаптации — образование составных двуязычных топонимов, корневым элементом которых служит эскимосский субстрат. В этом случае необходимо отметить, что эскимосскому языку чуждо образование составных имен, в том числе и топонимов. Любой эскимосский топо-

⁴ Так чукотский топоним *Уңиин* интерпретирует специалист по чукотскому языку и этнографии В. В. Леонтьев.

ним имеет лишь одно лексическое ядро. Инкорпорирующий же чукотский язык образует как двухсоставные, так и многосоставные имена, в том числе и топонимы. Так, посредством номенклатурных лексических компонентов *рэн/-ран* — «жилище», *-вээм/-ваам* — «река», *-ңэй/-ңай* — «гора», *-гытгы* — «озеро» и др. образуются соответственно названия поселков, рек, гор, озер и пр. Ср. топонимы: *Энмыран* — «жилище у скалы» (*энм* — «скала», *-ран* — «жилище»), *Пэлгыран* — «жилище у горловины» (*пэлг* — «горловина» «устье», *-ран* — «жилище»); оронимы: *Рынныңай* — «роговая гора» (*рынны* — «рог», «зуб», *-ңай* — «гора»), *Вэллыңэй* — «крутая гора» (*вэллы* — «крутой», *-ңэй* — «гора»); гидронимы: *гырбонвээм* (*гырбон* — «место отела олений», *вээм* — «река»), *Галгагытгын* — «птичье озеро»). Посредством установившейся в чукотском языке системы номенклатурных компонентов адаптируются также и иноязычные топонимы.

Составные двуязычные топонимы, первой основой которых является эскимосская, второй — чукотская, встречаются в разных районах Чукотского побережья. Например, от эскимосского названия реки *Иқалтугрук* — «рыбная» образовалось чукотское название этой реки *Иқалтурунвээм* — «Рыбная река», где к эскимосской основе присоединилась чукотская *-вээм* — «река», являющаяся обязательным структурным компонентом при образовании чукотских названий рек. Из двух структурных разноязычных компонентов состоит также топоним *Нуныгыран*, в составе которого эскимосская основа *нуналык* — «имеющий землю» и чукотская основа *-рэн/-ран* — «жилище», что в совокупности означает «Земля с жилищами» (современный чукотский поселок в бухте Преображения). От эскимосского топонима *Сингақ* — «новый берег» (от *синь/синақ* — «берег») с присоединением чукотского номенклатурного компонента *-вээм* — «река» образовался субстратный чукотский топоним *Чинивээм*. В основе чукотского топонима *Сулъпакаыргын* лежит эскимосское слово *суплзук* — «место, где дует», «труба» в его метатезной форме от слова *суплзук* (глагол. основа *суп* — «дуть» — науканск. диалект) и чукотский лексический компонент — *каыргын* — «проход», «отверстие». Урочище *Сулъпакаыргын* отличается тем, что в этом месте, расположенном между двух высоких гор, постоянно дуют ветры. В данном случае чукотская часть этого сложного топонима является своеобразной калькой его эскимосской основы.

Наличие таких двуязычных топонимов, где корневым компонентом является эскимосское слово, а также топонимов первого и второго вида адаптации (особенно в районах, где эскимосы давно уже не живут) служит свидетельством первичности в этом ареале эскимосской топонимики, а следовательно, и относительной древности эскимосских береговых поселений на чукотском побережье.

Обширный материал по топонимике, собранный во время последних лингвистических экспедиций в местах обитания азиатских эскимосов (чаплинцев, науканцев и сиреникцев), показывает, что сохранившиеся топонимы по происхождению принадлежат различным диалектным подразделениям, до периода интенсивного территориального дробления единого этнического палеоэскимосского массива входившим в две большие диалектные группы эскимосов *йугыт* (ед. *йук*) и *инуит* (ед. *инук*). Часть таких диалектных подразделений сохранилась на азиатском побережье. К ним относятся диалекты — чаплинский (*уңазигмит*), науканский (*нывуқагмит*), а также исчезающие ныне сиреникский (*сигыныгмит*) и имакликский (*имақлзигмит*). Большинство же диалектных подразделений эскимосского языка-основы сейчас можно обнаружить на Аляске, на побережье и островах арктической зоны Канады и в Гренландии.

На диалектах *йугыт* говорят азиатские эскимосы, эскимосы о. св. Лаврентия, дельты рек Кускоквим и Юкона, Земли Принца Вильямса,

побережья Бристольского залива, о. Нунива и некоторых других пунктов на Аляске.

На диалектах *инуит* говорят эскимосы островов Берингова пролива (о. Крузенштерна — Иналик, о-ва Короля и Стюарт, до 1948 г. — жители советского о. Ратманова — Имаклик), эскимосы мыса Принца Уэльского на Аляске, мыса Барроу, дельты реки Маккензи и пролива Коронации в Канаде, Лабрадора и Гренландии.

В результате территориального дробления, периодических миграций отдельных групп эскимосов и длительной изоляции многих из них на замкнутых территориях происходило постепенное образование диалектов, число которых достигло к концу XIX в. двадцати пяти⁵.

Территориальная раздробленность и изоляция отдельных диалектных подразделений азиатских эскимосов, а также многовековое соседство с более многочисленными иноязычными палеоазиатами — чукчами вело к постепенной ассимиляции этих групп и исчезновению их диалектов. Этот процесс на азиатском побережье начался с момента появления чукчей и длится вплоть до нашего времени. Например, за последние 60—70 лет на о. Ратманова исчез имакликский диалект. Такой же участи подвергся язык сиреникских эскимосов, почти окончательно ассимилированный языком чаплинских эскимосов и частично — чукотским⁶.

Не исключена также возможность того, что какие-то группы эскимосов, говоривших на своих диалектах и населявших 150—200 лет назад побережье от Уэлена до Чауна и далее, покинули эти земли, оставив после себя топонимическое наследие и памятники материальной культуры. Об этом свидетельствует адаптированная чукчами эскимосская топонимика, встречающаяся вперемежку с чукотской в данном ареале и поныне. Само собой разумеется, что чукчи могли заимствовать эскимосскую топонимику лишь при условии длительных и весьма тесных языковых контактов с эскимосами.

Результаты археологических, историко-этнографических и лингвистических изысканий на древних и современных местах расселения эскимосов свидетельствуют о том, что эскимосы Азии, Аляски, Канады и Гренландии до территориального дробления (которое по М. Свадешу произошло от 1500 до 2000 лет назад)⁷ составляли единый этнический массив; средством общения в нем был общий язык-основа, объединявший несколько близкородственных диалектов, среди которых ведущее место занимали диалекты *йупигыт* и *инуит*. Носители этих диалектов — палеоэскимосы жили, по-видимому, по обе стороны Берингова пролива.

⁵ K. Rasmussen, H. Ostermann, *Alaskan Eskimo words*, «Report of the Thule Expedition 1921—1924», vol. 3, № 4, Copenhagen, 1941; D. Jennes, *Comparative vocabulary of the Western Eskimo dialects*, vol. XV, part A, «Report of the Canadian Arctic Expedition 1913—1918», Ottawa, 1928; M. Swadesh, *Unaliq and Peoto Eskimo*, IJAL, vol. A, № 2, 1951; Г. А. Меновщиков, Об устойчивости грамматического строя эскимосского языка, сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952, стр. 431—460; его же, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. I; его же, Язык эскимосов Берингова пролива, сб. «Языки и фольклор народов сибирского Севера», М.—Л., 1966, стр. 69—72; его же, Эскимосско-алеутская группа языков, «Языки народов СССР», т. 5, Л., 1968, стр. 352—365.

⁶ Г. А. Меновщиков, Язык сиреникских эскимосов, М.—Л., 1964, стр. 4—10.

⁷ W. Swadesh, Указ. раб., стр. 67.